

ПОРТРЕТ Е. ПУГАЧЕВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Сообщение М. Бабенчикова

Помещенный в настоящем номере «Литературного Наследства» портрет Е. Пугачева является воспроизведением единственного из известных нам изображений вождя народного восстания 1773—1774 гг., бесспорно написанного с натуры до захвата Пугачева в плен.

Найденный в 1924 г. в запасном фонде музея пишущим эти строки, портрет этот поступил в Государственный Исторический Музей из частного собрания Н. Ермолова.

До Ермолова, в 60-х годах прошлого столетия, как это совпадает и с сообщением мемуариста Д. Д. Оболенского, данный портрет принадлежал крупнейшему промышленнику, владельцу путиловских заводов Н. И. Путилову, стены квартиры которого были сплошь покрыты портретами известных «русских людей и деятелей». По свидетельству Д. Д. Оболенского, Путилов был «страстный охотник до таких портретов и имел сотни их, рисованных, начиная от великих художников и кончая неизвестными мазилками».

«Портретная галерея эта по количеству и разнообразию была замечательная. Вы встречали в ней и Богдана Хмельницкого, и Стеньку Разина, и Пугачева... Куда все это девалось—не знаю, но много было интересного» (Д. Д. Оболенский. «Наброски из воспоминаний». «Русский архив» 1894—1895 гг.).

Приобретенное с другими портретами одним из наследников известного «покорителя Кавказа» Ермолова, о чем не знал Д. Оболенский, изображение Пугачева находилось в семье Ермоловых, как известно, до тех пор, пока не перешло с остальными портретами Ермоловской галереи в Государственный Исторический Музей.

Внимательное изучение данного портрета, написанного масляными красками на холсте (размер 1 арш. $\frac{3}{4}$ вершка \times $12\frac{1}{2}$ верш.), свидетельствует об иконописных приемах портретиста, очевидно иконописца-раскольника, что подтверждается, во-первых, надписью на лицевой стороне, в верхней части портрета, как это обычно практиковалось только в иконописи, во-вторых, текстом надписи на оборотной стороне изображения. Верхняя надпись, наполовину утраченная, указывает на дату написания портрета: «сентября 21 1773 г.».

Надпись на обороте, подтверждая подлинность изображенного лица, указывает имя очевидного заказчика портрета: «Емельян Пугачев родом из казацкой станицы нашей православной веры принадлежит той веры Ивану сыну Прохорову. Писан лик сей 1773 г. сентября 21 дня». Последняя надпись славянским шрифтом. Слова надписи «той православной веры» лишний раз подтверждают тесную связь Пугачева с представителями «правой веры»—раскола, свившего себе прочное гнездо в среде донского, волжского и яицкого казачества.

Двукратная ссылка на 21 сентября 1773 г. дает точное указание и на место написания портрета—Илецкий городок (Уральской области в 150 верстах от Яицкого городка, ныне Уральска, с юга, и Оренбурга с севера)—местопребывание Пугачева 20, 21 и 22 сентября 1773 г.

Находясь в Илецком городке, Пугачев жил в доме виднейшего из своих сподвижников, казака Творогова, одним из лучших в городе, и здесь же, в Илецком городке, местные серебрянники вырезали ему именные печати. Как известно, сентябрь был месяцем начала восстания, периодом, когда поддержанный резко оппозиционной группой яицкого казачества донской казак Емельян Пугачев впервые поднял знамя восстания, другими словами, временем, когда Пугачев особенно нуждался в написании с себя лицевого изображения.

По производству первоначальной реставрации ученым реставратором Государственного Исторического Музея Д. Ф. Богословским, на основании указаний автора дан-

ной заметки, была вскрыта часть фона и левая нижняя сторона портрета с написанным на ней казацким кафтаном Пугачева. Раскрытие обнаружило под портретом Пугачева хорошо сохранившийся портрет Екатерины II, копию с известного портрета типа художника Эриксона.

Первоначальный портрет этот был большего размера, на что указывают отрезанные кромки холста, и висел очевидно в правительственном учреждении в ряду других царских портретов. С приходом Пугачева портрет Екатерины, как указывают грубо сделанные и заметные посейчас зашпаклевки, был порван, по всей вероятности умышленно, в десяти местах холодным оружием.

Кому пришла мысль столь удачно использовать царское изображение для написания на нем с натуры «настоящего» царя, выдвинутого восставшей частью населения, судить не приходится. Во всяком случае, не давая повода для подобного рода догадок, рассматриваемый нами портрет является яркой и наглядной иллюстрацией истории классовой борьбы в XVIII в., и в этом заключается его огромная и существенная ценность. Не менее ценен портрет как единственно достоверное из всех изображений Пугачева, относящееся к периоду начала восстания.

Не повторяя по типу ни в какой мере известных нам портретов Пугачева, что уже само собой свидетельствует об его оригинальности, портрет, принадлежащий Государственному Историческому Музею целиком совпадает с дошедшими до нас описаниями наружности руководителя движения, терроризировавшего русское самодержавие в XVIII веке.

На рассматриваемом портрете Пугачев действительно «похож на бурлака», ему около 30 лет, но он кажется старше, его несколько изможденное лицо смугловато, черты лица правильны, окладистая борода темноруса, волосы, довольно длинные позади, спереди из-под шапки слегка выбиваются на лоб. Особенно удались портретисту, при всей его живописной неумелости, «черные, большие, выразительные и живые глаза Пугачева».

Сопоставленный с другим, писанным тоже с натуры, по заказу майора царской службы Матиаса, портретом Пугачева перед казнью, пугачевский портрет Государственного Исторического Музея более других разрушает все легенды о якобы «зверском» облике Пугачева, который по вполне понятным причинам неизменно выставлялся «благородным сословием» в виде изверга и злодея.